

УДК 94-058.862(470+575)”18|19”

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРЕНИЕ ДЕТЕЙ
В ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ (1897-1917 гг.)**

© 2025 С.Н. Брежнева

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Статья поступила в редакцию 02.09.2025

Ссылка для цитирования: Брежнева С.Н. Общественное призрение детей в Закаспийской области Туркестанского края (1897-1917 гг.) //Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. Том 7. 2025. № 4. С. 17-00.

В статье на архивном материале, впервые вводимом в научный оборот, разбираются проблемы, возникавшие в Закаспийском областном попечительстве и Асхабадском детском приюте на рубеже XIX-XX вв., касавшиеся всех аспектов жизни детей. Вопросы, связанные с благотворительностью, в частности детское сиротство, являлись одними из приоритетных направлений имперской политики и правительство придавало им огромное значение на российских окраинах, стремясь поднять их до общероссийского уровня. Закаспийская область была последней, присоединенной к Российской империи в результате завоевания туркменских земель, поэтому она с успехом могла использовать предыдущий опыт создания и развития попечительств детских приютов ранее созданных областей на территории Туркестанского генерал-губернаторства. Проблема заключалась в малочисленности русского населения на землях Закаспия. Тем не менее, Асхабадский детский приют функционировал и развивался. Решались вопросы со строительством отдельных помещений для приюта и «Убежища для беспризорных детей», улучшалось снабжение и медицинское обслуживание, совершенствовалось обучение в стенах приюта соответственно программе Министерства народного просвещения. Однако проблемой приюта являлось существование «Убежища для беспризорных детей», куда поступали в основном младенцы-подкидыши в ослабленном состоянии, поэтому младенческую смертность так и не удалось победить несмотря на усилия врачей. Автор приходит к выводу о том, что в целом развитие попечительства и приюта являлось доказательством заботы российской администрации о своих подданных, находившихся в непростых условиях на чужбине. Развитие данных компонентов российской благотворительности было прервано Первой мировой войной и начавшейся революцией.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестанское генерал-губернаторство, Закаспийское областное попечительство, Асхабадский детский приют, финансирование, пожертвования, трудовое воспитание, система обучения, санитарно-медицинское состояние.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-4-17-36

EDN: LVXMNQ

ВВЕДЕНИЕ

Туркестанское генерал-губернаторство, созданное в 1867 году как национальная окраина Российской империи, должно было развиваться в рамках имперского законодательства. Это касалось и вопросов благотворительности, которому в Российской империи уделялось огромное внимание. Они находились в компетенции «Собственной Ее Императорского Величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии». К ведомству относились и детские сиротские приюты, которые после образования Туркестанского генерал-губернаторства стали последовательно появляться на территории всех его пяти областей. Начиная с 1895 года туркестанские детские приюты стали постепенно переходить в ведомство императрицы Марии.

*Брежнева Светлана Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.
E-mail: brezhneva_s_n_@mail.ru*

В настоящем исследовании предпринята попытка показать работу Закаспийского попечительства детских приютов Туркестанского генерал-губернаторства в русле проводимой имперскими властями фронтальной модернизации национальной окраины. Данной проблемой автор занимается на протяжении ряда лет, т. к. она является новой для научного осмысления и призвана заполнить образовавшуюся в современной отечественной историографии лауну. На сегодняшний день имеется довольно большое количество исследований, посвященных региональному аспекту работы попечительств детских приютов¹, однако история становления и развития детских приютов Туркестанского генерал-губернаторства остается неразработанной, за исключением нескольких работ, появившихся недавно².

Исследование основано на материале Российского государственного исторического архива, впервые вводимом в научный оборот. Автором были просмотрены и проанализированы все отчеты Закаспийского попечительства с 1902 года до 1916 года, когда в связи с начавшимися революционными событиями деятельность попечительства и детских приютов прекращается.

Закаспийская территория была последней пятой областью, присоединенной к Туркестанскому генерал-губернаторству. Этот регион, населенный преимущественно туркменами, был завоеван Российской империей в результате военных компаний 1879-1885 гг. 6 (18) мая 1881 г. Высочайшим указом Александра III была учреждена Закаспийская область³ в составе Кавказского военного округа, в которую входили Ахалтекинский, Красноводский и Мангышлакский уезды. До конца 1897 г. она входила в состав генерал-губернаторства Кавказского наместничества, а затем вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Территория области находилась на востоке между берегами Каспийского моря, на западе граничила с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, на севере доходила до Уральской области, а на юге примыкала к Персии и Афганистану.

Этнический состав населения был разнородным – помимо туркмен (текинцы, сарыки, салоры) здесь проживали казахи и персы (иранцы). Это обусловило сложность утверждения здесь имперских порядков. Тем не менее Россия стремилась к утверждению единого законодательства во всем Туркестанском генерал-губернаторстве, частью которого Закаспийская область и являлась с 1897 года.

Система управления представляла симбиоз военно-европейских и традиционных элементов. Глава Закаспийской области – Начальник области, назначался императором по представлению Военного министра, также, как и в остальных частях генерал-губернаторства. Он командовал войсками, а по отношению к гражданскому населению пользовался правами губернатора с почти неограниченной властью⁴, т.е. объединял в своих руках военную и гражданскую власть. Закаспийская администрация пыталась разработать специфические региональные директивы, что позволило бы области быстрее адаптироваться и со временем стать частью единого государственного пространства. В этом русле шла работа Переселенческого управления с пришлым русскоязычным населением, принимались меры по обеспечению детей русских переселенцев, оставшихся без попечения родителей.

Первый детский приют, учрежденный Закаспийским благотворительным обществом, появился в Закаспии в 1892 году в Асхабаде (Ашхабаде). В октябре 1898 г. Асхабадский детский приют был передан в ведомство учреждений императрицы Марии. Тогда же было образовано областное попечительство детских приютов⁵, в ведении которого был только Асхабадский приют. По этому закону приют должен был по-прежнему оставаться на содержании Закаспийского благотворительного общества. На приют должно было распространяться Положение о детских приютах, утвержденное 18 июля 1891 года⁶.

СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАКАСПИЙСКОГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ДЕТСКИХ ПРИУТОВ

Состав Закаспийского попечительства детских приютов отличался от остальных областей Туркестанского генерал-губернаторства. Назначение некоторых традиционных членов попечительства было заменено, что объяснялось недавним вхождением области в структуру империи. В число членов попечительства были включены: вместо вице-губернатора – правитель канцелярии Начальника области, вместо директора народных училищ – инспектор народных училищ области, вместо Предводителя дворянства – председатель комиссии по судной части области; вместо Городского головы – начальник Асхабадского уезда и вместо председателя Земской управы – Асхабадский городской полицейский пристав.

2 декабря 1902 г. состав членов Закаспийского областного попечительства детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии претерпел некоторые изменения – в него включили помощника Начальника Закаспийской области как заместителя Начальника области во время его отсутствия, заведующего судной частью для исполнения обязанностей казначея попечительства и председателя Закаспийского благотворительного общества, т.к. детские приюты области содержались за его счет⁷. Ранее, 16 февраля 1902 г. в число членов попечительства был введен прокурор Асхабадского окружного суда взамен председателя судной комиссии, должность которого была упразднена⁸. Таким образом, к январю 1903 г. в составе попечительства находились: 5 пожизненных почетных членов (к ним относились генерал-адъютант А.Н. Куропаткин и его супруга Александра Михайловна, генерал-лейтенант Н.Н. Левашов и его супруга Надежда Дмитриевна, а также священник Иоанн Ремезов, утвержденные 30 мая 1900 года императрицей); 2 почетных члена (протоиерей Василий Гаврилович Покровский и священник Михаил Бонифатьевич Колобов, утвержденные императрицей 24 марта 1901 года) и 9 действительных членов. К ним принадлежали: председательница Закаспийского благотворительного общества, супруга Начальника области О.И. Субботич, и. д. помощника Начальника области генерал-майор М.И. Невтонов, заведующий судной частью области, действительный статский советник А.М. Дуплицкий, прокурор Асхабадского окружного суда И.М. Бик, правитель канцелярии Начальника области полковник С.А. Данилович, инспектор народных училищ статский советник А.И. Ляуданский, начальник Асхабадского уезда полковник Н.С. Кукол-Яснопольский. Последние четверо были введены в состав Закаспийского попечительства по утверждению императрицы одними из первых – 15 октября 1898 г. Помимо вышеназванных лиц действительными членами попечительства являлись пристав Асхабада поручик Гаинишвили и попечительница Асхабадского приюта, супруга помощника Начальника области генерал-майора Мария Людвиговна Невтонова, получившая утверждение императрицы 31 мая 1900 года⁹. Председателем попечительства по уже устоявшейся традиции являлся Начальник области генерал-лейтенант Деан Иванович Субботич¹⁰.

В ведении попечительства имелся только Асхабадский детский приют. Существовавший помимо него в Закаспии детский приют в Мерве находился на попечении Главного комитета Закаспийского благотворительного общества¹¹. Попечительницей приюта, как уже было указано, являлась М.Л. Невтонова. Вообще-то обычно попечительницей приюта должна была быть супруга военного губернатора, в данном случае – Начальника области, однако поскольку Олимпия Ивановна Субботич уже являлась попечительницей Закаспийского благотворительного общества, то попечительницей приюта была утверждена супруга и. д. помощника Начальника области. Ее помощницей стала жена полковника Глафира Фроловна Данилович, утвержденная императрицей 24 марта 1901 года. Директором приюта являлся отставной генерал-майор Александр Никонович Селин (утвержден императрицей 18 января 1901 года), а его заместителем был врач статский советник Федор Иванович

Журавлев, являвшийся действительным членом попечительства по утверждению императрицы с 15 октября 1898 года¹².

Согласно штатному расписанию жалованье смотрительницы Асхабадского детского приюта составляло 300 руб., ее помощницы – 240 руб. Няня, кухарка, прачка и сторож получали одинаковое жалованье по 132 руб. В 1902 году смотрительницей являлась девица из дворян Вера Сергеевна Баташева, окончившая курсы в Уваровском женском училище с программой прогимназии. Ее помощницей была девица Богословская. Обе были назначены постановлением попечительства в 1899 году. Законоучителем в приюте являлся священник Асхабадской кладбищенской церкви Федор Буц, служивший безвозмездно. Делопроизводителем попечительства, подписывающим все отчеты, был подполковник Василий Николаевич Антипин, назначенный на эту должность Начальником области 23 декабря 1898 года¹³.

В конце 1902 года генерал-лейтенант Деан Иванович Субботич был назначен Приамурским генерал-губернатором, командующим войсками Приамурского военного округа и войсковым наказным атаманом Приамурских (Амурского и Уссурийского) казачьих войск. Вместе с ним Туркестанский край покинула и его супруга Олимпия Ивановна. После того, как о заслугах супругов – о содействии Деана Ивановича в учреждении «Убежища для беспризорных детей» и о пожертвованиях Олимпии Ивановны, было доведено до сведения императрицы Марии Федоровны, ею была выражена благодарность неравнодушной чете¹⁴. Супруги Субботич в будущем вернутся в Туркестан, Деан Иванович в 1905-1906 годах занимал должность туркестанского генерал-губернатора и был вынужден выйти в отставку в связи с обвинениями в либерализме и отказом применять войска против участников забастовок.

После отъезда Д.И. Субботича в декабре 1902 года Начальником Закаспийской области стал генерал-лейтенант Евгений Евгеньевич Уссаковский, занимавший этот пост до декабря 1905 года.

В 1909 году в личном составе попечительства и детского приюта произошли изменения. Согласно Высочайшему утвержденному Положению о детских приютах от 18 июля 1891 г. при приюте должны были состоять почетные старшины, которыми «могли быть лица, принимающие на себя обязательство или делающие ежегодные денежные взносы»¹⁵. До сих пор в составе Закаспийского попечительства был только один почетный старшина Захарий Кузьмич Дубский, утвержденный 18 февраля 1908 г., что объяснялось почти полным отсутствием в крае состоятельных русских людей и солидных коммерсантов. 14 марта 1909 г. в состав попечительства был введен еще один почетный старшина коллежский регистратор Петр Петрович Ларме, с мая 1909 г. выполнявший обязанности делопроизводителя и зубного врача. Председателем попечительства являлся генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Евреинов, с февраля 1908 года являвшийся Начальником Закаспийской области. Пожизненными почетными членами оставались генерал-адъютант А.Н. Куропаткин и его супруга Александра Михайловна, Надежда Дмитриевна Левашова, оставшаяся вдовой после смерти супруга генерал-лейтенанта Н. Н. Левашова, и священник Иоанн Ремезов. Почетными членами попечительства являлись: протоиерей Василий Гаврилович Покровский, священник Михаил Бонифатьевич Колобов, вдова генерал-майора Мария Людвиговна Невтонова, бригадный врач статский советник Федор Иванович Журавлев. Число действительных членов возросло до 11. И. д. помощника Начальника области являлся полковник Сергей Васильевич Жуков, супруга которого Зинаида Васильевна была помощницей попечительницы приюта, жены генерал-майора Инны Дмитриевны Артемьевой, утвержденной императрицей 2 декабря 1908 года. Директором приюта с 19 мая 1909 года стал основной прапорщик запаса Сергей Николаевич Емельянов. Бессменной смотрительницей приюта оставалась Вера Сергеевна Баташева, а ее помощницей стала народная учительница Евдокия Яковлевна Чуб¹⁶.

17 сентября 1910 года попечительницей была назначена утвержденная императрицей в 1909 году жена временно исполняющего должность помощника Начальника области полковника С.В. Жукова – Зинаида Васильевна¹⁷. Ее помощницей стала Ольга Михайловна Малахова¹⁸.

В 1911 году произошли изменения в составе попечительства. С 1 января 1911 года Начальником Закаспийской области стал генерал-лейтенант Федор Александрович Шостак, который автоматически становился председателем попечительства, а его дочь Юлия Федоровна в конце года была утверждена императрицей помощницей попечительницы приюта З.В. Жуковой. Вместо бессменно проработавшей 15 лет смотрительницы приюта В.С. Баташевой была избрана Александра Ивановна Линблад¹⁹. Кроме того почетными членами попечительства стали избирать местных жителей²⁰. Так, 12 октября 1911 года почетным старшиной приюта был утвержден туркмен Курбан Юсуп оглы.

В 1912 г. в приют вернулась на должность смотрительницы Вера Сергеевна Баташева, находившаяся у истоков образования приюта. Почетными членами попечительства были утверждены императрицей местные жители, принимавшие активное участие в финансировании приюта: Ханша-Гуль-Джемаль-Хан, подполковник милиции Юсуп Хан, поручик милиции Карры Хан, юнкер милиции Овез-Мурад-Хан, член Мургабского водного комитета Момед Оразов, туркмен Мухамед-Берды-Хан Мамедов. Кроме того в состав попечительства были включены туркмены: Анна-Кары-Куль-Хан оглы, Агзан-Хан-Куль-Батыр-Хан оглы, также утвержденные императрицей²¹. Взнос, внесенный ими, составлял 100 рублей. Старшина аула Геок-Агар-Курбан-Юсуп-оглы внес 49 рублей 75 копеек, за что был удостоен должности почетного старшины приюта.

С начала 1913 года председателем попечительства являлся новый Начальник области генерал-лейтенант Леонид Вильгельмович Леш, последним занимавший эту должность. Его помощником был Николай Клавдиевич Калмыков, также входивший в состав попечительства.

В составе попечительства в 1914 г. произошли следующие изменения. 7 января 1914 года попечительницей Асхабадского приюта была утверждена императрицей супруга командира 19-го Туркестанского стрелкового полка Софья Владимировна Померанцева²². Однако в июле с выездом полка из Асхабада и Софья Владимировна вместе с супругом покинула город. Обязанности попечителя выполнял старший штаб-офицер для поручений полковник Пересвет-Солтан, бывший годом ранее помощником попечительницы. С октября обязанности попечительницы приняла на себя супруга и. д. Начальника области Н.К. Колмакова – Зинаида Васильевна. Л.В. Леш отправился на фронт, где фактически возглавил армейский корпус 8-й армии генерала А.А. Брусилова, храбро сражался до апреля 1917 г., выйдя в отставку в Гражданскую войну, активно боролся с Красной армией, участвуя в Белом движении на юге России, в 1920 году эмигрировал в Югославию, где скончался в 1934 году. Директором приюта оставался С. Н. Емельянов, смотрительницей вместо В.С. Баташевой стала учительница, ранее помощница смотрительницы Н.А. Тепфер, а ее помощницей – Мария Сергеевна Афанасьева.

НЕДВИЖИМОСТЬ И ФИНАНСИРОВАНИЕ АСХАБАДСКОГО ПРИЮТА

Недвижимое имущество приюта состояло из одноэтажного дома на каменном фундаменте из сырцового кирпича с кухней и отделением для больных, оценочная стоимость которого составляла 5000 рублей, на такую же сумму дом был застрахован. Сумма страховой премии в год составляла 2260 рублей. Помимо дома в ведении приюта были прачечная, помещение для сторожа, два сарая для склада вещей и дров, баня и погреб оценочной стоимостью в 2000 рублей. Дворовое место составляло 960 квадратных саженей. Кроме того,

на балансе попечительства числилась дача в селе Фирюза оценочной стоимостью в 1000 рублей²³. Дача находилась в горах, и летом дети, как правило, отправлялись туда. Жизнь в сравнительной прохладе, безусловно, приносила им большую пользу²⁴. Закаляясь, воспитанники ходили босыми.

Расходы по приюту в 1902 году составили 3598 руб. 80 коп., в том числе на ремонт дома ушло 200 рублей. В то же время кроме пожертвований в кассу попечительства поступили прямые денежные взносы детскому приюту от граждан Асхабада в размере 93 рублей, из которых 30 рублей внесено лично Начальником области Д.И. Субботичем и 20 – его супругой Олимпией Ивановной²⁵. В приют поступали также пожертвования в виде вещей, которые составили за год 302 руб. 51 коп.²⁶, и натуральных продуктов.

В Мервском детском приюте содержалось 10 детей. Согласно отчету данного заведения за 1902 год, в начале года в его кассе находилось 1479 руб. 61 коп., за год поступило в качестве пожертвований разными лицами – 208 руб. 62 коп., от Мервского отдела Закаспийского благотворительного общества еще 200 рублей²⁷.

По смете 1903 г. на содержание приюта было назначено 3200 руб., в течение года израсходовано 3060 руб. 54 коп., из них 986 руб. 50 коп. ушло на содержание администрации, 1346 руб. 09 коп. – на продукты питания, 727 руб. 95 коп. – на хозяйственные надобности. От граждан города были получены денежные пожертвования в размере 147 рублей, а также вещественные на сумму 285 руб. 83 коп.²⁸

В отчете за 1909 год отмечено, что в ведении Закаспийского областного попечительства помимо Асхабадского находится и Мервский приют. Однако когда он перешел к попечительству от благотворительного общества, неизвестно, и никаких данных о нем в последующих отчетах нет.

Асхабадский приют располагался в собственном доме, рассчитанном на 25 детей. Но число призреваемых воспитанников росло, и этого помещения становилось мало. В 1909 году в приюте находилось 46 детей. Как сказано в отчете попечительства за этот год: «Только благодаря редкой распорядительности смотрительницы приюта Веры Сергеевны Баташевой, состоящей в должности 12 лет, возможно поддержание чистоты и порядка при таком переполнении приюта»²⁹. Теснота помещений и ветхость зданий побудили администрацию приюта изыскивать средства на постройку нового здания.

На каждого воспитанника приходилось по 118 руб. 50 коп. в год, соответственно в месяц это составляло 9 руб. 87 коп. За 1909 год на содержание приюта, включая продовольствие, воспитание, отопление, освещение, обувь, одежду, учебные пособия, стирку белья, ремонт мебели, дополнение инвентаря и прочие расходы, израсходовано было 5211 руб. 22 коп. Большая часть на содержание приюта предоставлялась Закаспийским благотворительным обществом, недостающая сумма пополнялась за счет частных пожертвований, а также доходами с устраиваемых попечительством народных гуляний и лотереи.

28 июля 1910 года Военный министр В.А. Сухомлинов обратился к Главноуправляющему Собственной Его Императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии Д.П. Голицыну с письмом, в котором обосновывалась просьба Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова о выделении средств на постройку в Асхабаде нового здания детского приюта, т. к. «прежнее пришло в полную негодность»³⁰. Оно было рассчитано на 25 детей, тогда как на содержании находилось почти 50. Вопрос был решен положительно, и из средств ведомства были выделены 10000 рублей³¹. Факт этот был отмечен в отчете Закаспийского попечительства за 1910 год: «Хлопоты по постройке нового здания увенчались успехом: средства отпущены: 10 тыс. руб. из земского оборотного капитала, а остальные собраны попечителями – всего 16100 руб.»³². В местной хронике также сообщалось, что 1 октября 1910 г. Закаспийское попечительство детских приютов устраивало в

городском саду Асхабада с разрешения императрицы Марии Федоровны лотерею-аллегри для увеличения средств попечителей, озабоченных постройкой нового здания для приюта³⁵. Так что вопрос о постройке нового здания для приюта был решен стараниями и неравнодушием членов Закаспийского попечительства.

Из имеющихся в 1910 году средств в 6701 руб. 20 коп. было израсходовано на содержание приюта и «Убежища для беспризорных детей», включая продовольствие 6678 руб. 79 коп., что составило по 119 руб. 26 коп. на воспитанника в год, а в месяц 9 руб. 93 коп. На 1 января 1911 г. осталось 22 руб. 41 коп. Большую часть средств приют получал от Закаспийского благотворительного общества.

В 1911 году из земского оборотного капитала были отпущены 5 тысяч рублей на строительство нового здания, остальные 6552 руб. 35 коп. собраны попечительством. Новое здание к 1 января 1912 г. было закончено в черновой отделке³⁴, и к февралю 1912 года дети были переведены в новое помещение. Оно представляло собой двухэтажный каменный дом на фундаменте из жженого кирпича с отдельной прачечной и сараем.

В 1911 году на содержание приюта и убежища было израсходовано 7717 руб. 66 коп. На 1 января 1912 г. осталось 205 руб. 35 коп. Часть средств на содержание приюта поступала от Закаспийского благотворительного общества, что составляло 6600 руб. в год. 5624 руб. 71 коп. было собрано попечителями приюта от лотереи, базара и пожертвований, 927 руб. 64 коп. прислано почетными членами. Итого сумма составила 6552 руб. 35 коп.³⁵

За 1912 год было израсходовано 9681 руб. 45 коп. К 1 января 1913 г. остатка не было. Таким образом годовой расход на каждого ребенка увеличился до 124 руб. 12 коп. Попечителями было собрано с лотереи, базара и пожертвований 9220 руб. 39 коп. Сумма, поступившая от почетных членов попечительства, составила 4415 руб. 1 коп. Итого на балансе приюта было 13625 руб. 40 коп. Кстати, помимо пожертвований от русских граждан стали поступать взносы от местных жителей.

В 1913 г. приход составил 11911 руб. 72 коп. Соответственно – 82 руб. 8 коп. на воспитанника в год, т. е. показатель снизился по сравнению с прошлым годом. В месяц это составляло 6 руб. 84 коп., считая и младенцев³⁶. На 1 января 1914 г. – остаток составил 338 руб. 26 коп. Часть средств выдавало Закаспийское благотворительное общество – 3750 руб. в год. Попечителями было собрано 8995 руб. 44 коп., прислано почетными членами – 4627 руб. 9 коп.

При помощи состоящего под личным покровительством Романовского комитета, созданного в 1913 году к 300-летию Дома Романовых для оказания помощи местным организациям, занимающимся призрением сирот сельского населения, с 1 января 1915 г. предполагалось расширить приют до 100 мест. Ожидалось, что в него будут приниматься не только дети лиц сельского сословия, но также и дети нижних запасных чинов. Для этого Романовским комитетом уже было ассигновано 900 руб. из средств комитета, а также и начальником Асхабадского уезда обещано ассигнование от 5900 руб. из средств, пожертвованных на содержание семей запасных нижних чинов³⁷.

В 1914 г. в приходе значилось 12098 руб. 26 коп. Следовательно, на каждого воспитанника приходилось 82 руб. 26 коп. в год, в месяц – 6 руб. 85 коп. На 1 января 1915 г. остаток составил 169 руб. 49 коп. Все средства на содержание приюта были предоставлены попечителями. С Закаспийского благотворительного общества не взято никакого пособия, что можно объяснить требованиями военного времени. С лотереи в течение года собрано 8948 руб. 16 коп., и 1000 рублей прислано почетными попечителями³⁸. В этом году с согласия императора по ходатайству попечительства в почетные члены попечительства был зачислен эмир Бухарский Сейид Алим-хан за взнос в пользу детского приюта в размере 500 рублей³⁹.

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОСПИТАННИКОВ АСХАБАДСКОГО ПРИЮТА

В 1902 году в Асхабадском детском приюте призревало 30 детей обоего пола, из них бесплатно за счет попечительства содержалось 24 воспитанника, и 6 – на средства родителей. На содержание одного призреваемого ребенка уходило 113 руб. в год⁴⁰. К началу 1903 года детей в приюте осталось 29 – 17 мальчиков и 12 девочек⁴¹. За год выбыло трое детей (Михаил Кабардин 16 лет отдан в столярную мастерскую с жалованьем в 100 руб. в год, Дмитрий Иванов определен в кадетский корпус и Александра Зафорова возвращена отцу⁴²), и принято было двое.

По социальному составу больше всего в приюте призревало крестьянских детей – 13 человек (10 мальчиков и 3 девочки). Представителей нижних воинских чинов – 8 (3 мальчика и 5 девочек), четверо детей из мещан (мальчик и три девочки), две девочки – из духовного сословия, причем из полной семьи, и по одному мальчику из представителей офицерства и чиновничества. Из общего числа детей только шестеро были круглыми сиротами, пять детей имели только мать, четырнадцать – только отца, и четверо детей были из полных семей⁴³.

Самой старшей девочке было 18 лет, самому младшему мальчику – 2 года. Большинство детей (4) были семилетнего возраста, разброс по возрасту был довольно большим⁴⁴.

В 1903 году в Асхабадском детском приюте призревало 35 детей (20 мальчиков, 15 девочек). Из них 32 – на средства попечительства, на средства родителей – 3⁴⁵. За год выбыло 8 детей (2 мальчика, 6 девочек) соответственно, к началу 1904 года в приюте осталось 27 детей. Один мальчик, Петр Белоусов, возвращен матери, другой – Александр Чокин – определен в железнодорожное техническое училище. Пять девочек (Ольга и Клавдия Ментюковы, Анна и Клавдия Малендо, Варвара Тепикина) возвращены матерям, одна – Людмила Боголюбова⁴⁶ – по достижении 18 лет оставлена в приюте на должности помощницы смотриельницы на место уволившейся Богословской⁴⁷.

По социальному составу по-прежнему преобладали дети крестьян – 11 человек, 7 человек – дети нижних военных чинов, четверо – из мещан, по двое – представители офицерства и почетных граждан и один – из чиновников⁴⁸. Дети разновозрастные. Самой старшей девочке 16 лет, самой младшей – 2 года.

В 1906 году в приюте содержался 41 ребенок. Большинство воспитанников призывались за счет попечительства. О выбывших детях в отчете сообщалось следующее. Всего выбывших было 10 человек. 5 детей: 3 мальчика и 2 девочки возвращены родителям, один мальчик определен в магазин, один – в техническое училище.

По социальному положению наряду с детьми крестьян такое же количество было и мещанских детей – по 12 человек, 5 человек детей нижних воинских чинов, 2 – выходцы из офицеров и по одному – дети дворян, почетных граждан и духовенства⁴⁹. По возрасту самому старшему мальчику было 15 лет, самому младшему, ребенку-подкидышу – 27 дней (в этом возрасте он скончался)⁵⁰. К 1907 году в приюте призревало 35 детей.

В 1909 году из 46 (19 мальчиков, 27 девочек) детей 14 были круглыми сиротами, 31 – полусироты, т.е. имеющие либо мать, либо отца, и один мальчик из полной семьи. Самой младшей девочке было 3 года, самой старшей – 15. 33-м воспитанникам не было 10 лет, 13 – свыше 10 лет. Все призываемые находились на полном обеспечении приюта, приходящих детей не было. До апреля 1909 г. девять детей содержали родители. Все дети были православного вероисповедания, за исключением одной девочки – католички. За год 8 детей были возвращены родителям, 1 ребенок усыновлен, и двое отданы на обучение в училища.

В 1910 г. в приюте призревало уже 56 детей, из них только двое – на средства родителей, остальные – за счет приюта. За год трое детей были возвращены родителям, двое направлены на обучение в училище, и один отдан в услужение⁵¹. По семейному положению круглых сирот и полусирот было одинаковое количество – по 28 человек. 38 воспитанников были возрастом – до 10 лет, и 18 – свыше.

В 1911 году в приюте призревало уже 63 ребенка. Из них на средства родителей – только один. Возраст воспитанников составлял от 3 до 14 лет. Все дети находились на полном содержании приюта, приходящих не было, все были православного вероисповедания. По семейному положению большинство были круглыми сиротами – 34, 29 – полусиротами. По возрасту 42 ребенка – до 10 лет, 21 – свыше. Из всех призреваемых детей за год 7 были возвращены родителям, трое – отданы в услужение, одна оставлена в приюте в качестве учительницы рукоделия.

В 1912 году в приюте призревало 78 детей вместе с младенцами убежища, хотя он был рассчитан с учетом постройки нового здания на 60 детей. Из них круглых сирот было 32, 40 – полусирот, 6 детей были из полных семей. По возрасту 50 детей были до 10 лет, 28 – свыше⁵². Все дети содержались на средства приюта. За год 12 были возвращены родителям и родным, 4 – отданы в услужение, 1 мальчик определен в школу садоводства, блестяще сдав конкурсный экзамен.

В 1913 году в приюте призревало 66 человек, в «Убежище для беспризорных детей» – 16. Полусирот было больше, чем круглых сирот. Соотношение составляло 44 к 31. 5 детей были из полных семей⁵³.

В 1914 г. в приюте призревало 79 детей, не считая убежища. В убежище было 15 детей. Полусирот было больше – 57, чем полусирот – 28, 9 детей были из полных семей. Основной массе не было 10 лет – 71, свыше – 23. Все дети содержались на средства приюта. 12 детей были возвращены родителям, по одному определено в школу садоводства, в железнодорожное училище, в Ташкентский кадетский корпус, пять человек определены в мастерские, один усыновлен, и 1 умер в городской больнице⁵⁴.

САНИТАРНО-МЕДИЦИНСКОЕ СОСТОЯНИЕ И ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ В АСХАБАДСКОМ ПРИЮТЕ

Как отмечалось в отчете попечительства за 1902 год, воспитанникам не удалось обойтись без заболеваний, указаны корь, дизентерия, воспаление легких и натуральная оспа. Не избежали дети лихорадки и золотухи, отмечается, что у двух детей болели уши. За исключением только одного ребенка, больного оспой, лечение которого проходило в городской больнице, все остальные дети проходили лечение в приютском лазарете под чутким наблюдением врача Ф.И. Журавлева. Смертности удалось избежать.

Начиная с 1903 года приглашенному фельдшеру за надзор за больными детьми стали платить по 5 руб. в месяц. Помимо легких заболеваний лихорадкой и золотухой 6 человек болели коклюшем, у одного болели уши, у двоих – глаза, и у одного ребенка было рожистое воспаление⁵⁵.

В 1906 г. году дети болели лихорадкой, ушными болезнями, двое – ушибами, у 8 детей болели глаза, у 1 мальчика была экзема.

В 1909 году главное внимание администрации приюта было обращено на упорядочивание образования воспитанников и на введение обучения ремеслам для подготовки детей к будущей трудовой жизни. В прежние годы дети едва успевали проходить курс народного училища к 15-летнему возрасту. В этом же году благодаря стараниям приглашенной народной учительницы Евдокии Яковлевны Чуб удалось двух старших воспитанниц, 13-ти и

14-ти лет подготовить к экзамену, который они «блестяще выдержали»⁵⁶. В планах администрации приюта была подготовка к сдаче экзамена к весне 1910 г. еще двух воспитанниц 12-ти и 13-ти лет. Тем самым было положено упорядочивание обучения для окончания детьми всего учебного курса по достижении ими 12-тилетнего возраста. После завершения учебного курса девочки должны были заниматься ручным трудом, более для них необходимым, а мальчики, получив свидетельство об окончании курса народного училища, будут определяться в мастерские.

В 1909 году было введено обучение девочек рукоделию, кройке, шитью и вышиванию гладью и крестиком, для чего была приглашена приходящая учительница по специальности. Несмотря на то, что девочек подходящего возраста было только 11, они сшили для приюта в течение года 72 форменных платья, 50 передников, 36 верхних рубашек для мальчиков, 22 шароваров, 125 нижнего белья и связали 10 пар чулок. Кроме того приготовили 14 вышитых вещей для лотереи и выполнили заказов на 11 руб. 85 коп.⁵⁷ Для мальчиков введено обучение сапожному мастерству и гимнастике.

Закон божий и пение безвозмездно и с «редким усердием» преподавал детям в течение 6 лет диакон местного гарнизонного собора отец Николай Миролюбов. Дети обязательно посещали храм во все праздничные дни, причем старшие воспитанники пели в церковном хоре, получая за это 10 руб. в месяц, из которых 2/3 директор приюта вносил, доля поровну между поющими, на именные книжки каждого в сберегательную кассу.

День в приюте распределялся следующим образом. Поднимались дети в 6 утра, убирали постели, в 7 – молитва, после которой воспитанники пили чай с сахаром и черным хлебом, после чего убирали комнаты, мыли полы, вытирали пыль и т. п., причем без помощи прислуги. С 9 до 12 часов шли занятия в классе. В 12 – обед, потом до 2-х часов дня – отдых. С 2 до 4,5 часов девочки занимались рукоделием, мальчики – в сапожной мастерской. С 5 до 6 часов – отдых, затем дети готовили уроки, в 7,5 часов ужинали, в 8,5 часов занимались вечерней молитвой и ложились спать⁵⁸.

Старшие девочки назначались на дежурство в кухню и столовую, где они мыли посуду, помогали готовить, накрывали на стол. Каждой из них поручалось наблюдение за опрятностью одежды одного или двух маленьких воспитанников. Старшие мальчики поддерживали в чистоте двор, чистили сапоги, самовары и т. п. То есть помимо обучения воспитанники приюта проходили трудовое воспитание. В конце октября 1909 г. приют посетил туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов, который отметил здоровый и веселый вид детей, одетых очень опрятно⁵⁹.

Санитарно-медицинское состояние приюта в 1909 г. было на уровне предыдущих, смертности среди детей в возрасте от 3-х до 15-ти лет не было. Случаев заболеваний было указано всего 17, из них один ребенок болел воспалением легких, у троих была свинка, 9 детей страдали от заболевания глаз и четверо – золотухой. Все заболевшие были изолированы в комнате с отдельным входом, оставаясь под неослабным наблюдением смотрительницы приюта В.С. Баташевой.

Врачом приюта состоял коллежский советник Валентин Владимирович Каховский, посещающий приют несколько раз в неделю, а при необходимости ежедневно. Кроме того, в приют ежедневно заходил приглашенный за плату в 5 руб. в месяц фельдшер. Зубные болезни бесплатно лечил состоящий почетным старшиной приюта зубной врач Петр Петрович Ларме⁶⁰, он же состоял в должности делопроизводителя.

Учебно-воспитательный персонал приюта состоял из смотрительницы В.С. Баташевой (она же преподавала общеобразовательные предметы), законоучителя о. Н. Миролюбова (он же был учителем пения), учительницы рукоделия, учителя сапожного дела. Служащими по хозяйственной части приюта являлись кухарка, прачка, няня и дворник. Согласно смете

персоналу полагалось следующее жалованье. Смотрительнице приюта оклад был увеличен до 360 рублей в месяц, ее помощница получала 240 руб., учительница рукоделия – 180 руб., няня, прачка, кухарка и сторож – по 132 рубля⁶¹.

В 1910 г. Закаспийское областное попечительство все усилия направило к тому, чтобы прочно поставить в приюте профессиональное ремесленное образование по программе начальной школы Министерства народного просвещения, которое послужит залогом обеспечения питомцев приюта в будущем. Для этой цели попечительство ввело обучение воспитанников домоводству, приучая их ко всевозможным домашним работам. Большое внимание уделялось обучению детей знаниям, рукоделиям и ремеслам, необходимым в обыденной самостоятельной жизни по выходе из приюта. Предметы ручного труда призреваемых воспитанников идут на удовлетворение собственных нужд приюта.

Девочки старшего и среднего возраста, обучающиеся рукоделию, сшили 58 штук нижнего белья для мальчиков и девочек, 204 штуки верхней одежды: платьев, фартуков, рубашек, шаровар, 110 штук постельного белья и 72 полотенца. Младшие девочки чинят белье и штопают чулки. Старшими девочками было исполнено заказной частной работы на 57 руб. 60 коп. (метили белье гладью и штопали чулки). Мальчики, освоившие сапожное дело, чинят всю обувь для детей приюта. Обuvi было сшито 51 пара⁶².

На помощника смотрительницы возложено наблюдение за мальчиками, проживающими в отдельном помещении. Под его же руководством дети занимаются гимнастикой и военным строем. В свободное время дети обучаются хоровому пению, и часть из них за определенное вознаграждение поет в церкви 18-го Туркестанского стрелкового полка. Директор приюта две трети вознаграждения по-прежнему вносил на книжки воспитанников.

Начиная с 1910 года обучение детей в приюте было составлено в соответствии с правилами народных училищ. Воспитанники были поделены на группы: младшие, средние, старшие. В первой группе основное внимание уделялось Закону божьему с объяснением молитв, изучению русского языка: давалась первоначальная грамота и чтение рассказов, по арифметике дети должны были иметь понятие о числах, знать нумерацию до 1000 и решать простые задачи. Воспитанники второй группы изучали историю, знакомились с главными частями речи и правилами правописания, по арифметике проходили четыре действия с простыми числами. В старшей группе объяснялось богослужение, краткий катехизис, краткая этимология, церковно-славянское чтение с переводом прочитанного и по арифметике – действия с именованными числами⁶³.

Благодаря стараниям учительницы Зинаиды Семеновны Виноградовой две воспитанницы были подготовлены к экзамену, который они сдали на отлично. Этим было положено начало правильного прохождения курса народного училища. Как сказано в отчете, «попечительство старается дать детям все то, что позволяют наличные средства и что соответствует тем задачам, какие лежат в основе учреждения приютов»⁶⁴.

Большое внимание уделялось христианскому воспитанию. Накануне праздников, в праздники и воскресные дни воспитанники посещали церковные службы. Во исполнение христианских обязанностей дети в Великий пост говели и приобщались к Святым Христовым тайнам. «Детям внушалось благоговейное чувство к Августейшим покровителям приюта и всему Царствующему дому»⁶⁵. В свободное от занятий время воспитанникам читали вслух книги религиозно-нравственного содержания и разные детские поучительные рассказы.

За 1910 год различными болезнями болели 10 детей: из них – 1 случай брюшного тифа, 2 – дифтерита, 4 – скарлатины и 3 – лихорадки. Все заболевшие были изолированы на время. В приюте санитарно-медицинская часть была поставлена хорошо и отмечены заслуги врача В.В. Каховского. Зубные болезни лечила бесплатно зубной врач Н.И. Зегельман⁶⁶.

В 1911 г. девочки старшего и среднего возраста сшили 60 штук нижнего белья, 237 штук верхнего, 140 штук постельного белья. Младшие девочки по-прежнему занимались починкой белья и штопкой чулок. Одна из воспитанниц приюта Зинаида Надысева за хорошую работу и поведение была оставлена в приюте в качестве учительницы по рукоделию⁶⁷, которое она преподавала девочкам.

На помощницу смотрительницы Надежду Артуровну Тепфер было возложено наблюдение за мальчиками. Гимнастику и военное дело мальчикам преподавал подпрапорщик 17-го Туркестанского стрелкового полка, окончивший фехтовальную школу⁶⁸. К сожалению, документы не сохранили его имени и фамилии.

Санитарно-медицинское состояние в 1911 году было поставлено удовлетворительно. Несмотря на то, что заболевших было 34, из них 8 болели бронхитом, трое – дизентерией, у 10 детей наблюдались заболевания глаз, и у 13 – лихорадка. Тем не менее все заболевшие были изолированы и находились под присмотром смотрительницы приюта. Больных курировал врач В.В. Каховский, зубные болезни излечивала врач Н.И. Зегельман.

Дети приюта продолжали обучение по программе народных училищ. Кроме основных учителей в приюте преподавал регент церкви, где пели дети.

В 1911 году обучение воспитанников проходило по старой схеме. Выпускные экзамены дали отличные результаты. Воспитанники по-прежнему занимались рукоделием. За год было сшито 109 штук нижнего белья, 84 – верхнего. Мальчиками сшито 66 пар сапожной обуви⁶⁹.

Санитарно-медицинское состояние удовлетворительное. За год болели 24 ребенка, из них у троих была дизентерия, 15 страдали заболеваниями глаз, 6 – лихорадкой. Помимо В.В. Каховского в приюте появился еще один врач – коллежский советник Федор Юльевич Эдельберг.

В 1913 году девочками было сшито 92 штуки нижнего белья, 190 штук – постельного, 172 штуки – верхней одежды, связано на машинке – 40 пар чулок, кроме того дети изготавливали изделия для лотереи. Мальчиками было сшито 84 пары разной обуви.

Санитарное состояние: заболевших всего было 21 человек, из них 10 болели краснухой, 6 – ветряной оспой, трое страдали заболеванием глаз, двое – лихорадкой.

В 1914 году в приюте введено обучение картонажному делу, на что отпущены средства Начальником области Л.В. Лешем, а руководство делом взял на себя инспектор народных училищ И.А. Беляев⁷⁰.

В 1914 г. девочками приюта сшито 150 штук нижнего белья, 212 штук – постельного белья, 215 штук – верхней одежды, 50 пар чулок. Кроме того, для нужд армии девочками приюта приготовлено 96 комплектов белья. Мальчиками сшито 72 пары разной обуви⁷¹.

За год болел 51 ребенок, из них 37 – корью, заболеваниями глаз – 7, лихорадкой – 2, ангиной – 2, воспалением легких – 3⁷². Один ребенок скончался в больнице, диагноз не сообщается⁷³. Война внесла свои коррективы в работу врачей приюта. Из-за отсутствия в городе свободных врачей наблюдение за санитарным состоянием приюта осуществлял заведующий больницей Красного Креста Борис Николаевич Агапьев, а так как здание больницы находилось против приюта, то больных детей отправляли для осмотра в больницу⁷⁴. Ничего не сказано о враче В.В. Каховском, бесменно выполнявшем свои обязанности врача приюта в течение многих лет, вполне возможно, что он был мобилизован на фронт.

«УБЕЖИЩЕ ДЛЯ БЕСПРИЗОРНЫХ МЛАДЕНЦЕВ»

Помимо детей, содержащихся в приюте, при нем в 1902 году было создано «Убежище для беспризорных младенцев». Аналог подобного подразделения для младенцев-под-

кидышей существовал в Туркестанском генерал-губернаторстве только в Кауфманском приюте г. Ташкента⁷⁵. Для открытия отделения в кассу Благотворительного общества поступили пожертвования в сумме 3800 рублей, из них 2000 рублей были собраны его председателем Олимпией Ивановной Субботич, а остальные 1800 руб. пожертвованы ею лично. Чтобы обеспечить существование учреждения, Начальник области генерал-лейтенант Д.И. Субботич отвел Благотворительному обществу на базарной площади городской участок земли под постройку лавок с тем, чтобы арендная плата с них шла на содержание убежища. Кроме того, Д.И. Субботич исходатайствовал перед Военным Советом о прирезке к Асхабадскому детскому приюту участка земли, принадлежащего инженерному ведомству, для постройки на нем здания «Убежища».

Так как Положение о детских приютах ведомства учреждений императрицы Марии допускало совместное воспитание детей обоего пола в одном здании до возраста не выше 12-14 лет, то попечительство решило поместить мальчиков старшего возраста в предназначенном к постройке здании «Убежища», которое было изолировано. Младенцев же предполагалось разместить в старом здании вместе с девочками. Такое размещение было удобно еще и потому, что девочки старшего возраста могли помогать прислуге в уходе за младенцами, тем самым сокращая издержки на наем прислуги.

В конце 1903 г. приступили к постройке отдельного здания «Убежища для подкидышей», для чего год назад был выделен участок земли, смежный с приютом⁷⁶. По его открытии в приют стали поступать младенцы-подкидыши. И это стало настоящей проблемой как для приюта, так и для попечительства в целом, т. к. дети поступали очень ослабленными и часто умирали. В результате если в прошлом в отчетах графа «смертность» оставалась незаполненной, то теперь начиная с 1906 г. она не только стала заполняться, но и имела тенденцию к увеличению.

В 1906 г. в отчете попечительства впервые сообщалось об умерших: это были дети из «Убежища» – 1 мальчик 27 дней, 1 девочка двух месяцев и другая – четырехмесячная⁷⁷.

В 1909 г. «Убежище для подкидышей» было выделено в самостоятельное учреждение, т. к. в 1908 г. им были заняты обе лазаретные комнаты приюта, что, конечно, было весьма неудобно. В январе 1909 г. по настоянию попечительницы приюта Нины Дмитриевны Артемьевой был отремонтирован и приспособлен для убежища находящийся во дворе приюта одноэтажный домик из сырцового кирпича, состоящий из 3-х комнат и передней, куда и были переведены дети - подкидыши в конце января того же года⁷⁸. Детей разместили в обширной светлой комнате, другая комната была отдана надзирательнице, а в третьей находились няни.

Смета на 1909 год была составлена на 8 младенцев, при них состояли 4 служащих, надзирательница и три кормилицы или няни, которые приглашались в случае отсутствия кормилиц, которых найти было очень непросто из-за немногочисленности русского населения. Надзирательница «Убежища» подчинялась смотрительнице приюта на правах второй помощницы смотрительницы и находилась под общим наблюдением попечительницы и директора приюта.

Закаспийское благотворительное общество постановило отпустить по смете на содержание «Убежища» в 1909 г. 1581 руб. 80 коп., но за неимением средств ничего не предоставило, и расходы по «Убежищу» в сумме 1112 руб. 54 коп. были покрыты остатками от расхода на приют и частными пожертвованиями. Содержание каждого младенца, включая все расходы на служащих, их продовольствие и прочее, обходилось в месяц в 14 руб.

В течение 1909 г. всего призревалося 41 младенец-подкидыш, из них 6 возвращены родителям, 5 взяли к себе бездетные люди и 23 умерло, что составило 56% всего числа подкинутых. Как было записано в отчете попечительства за 1909 г.: «Хотя эта циф-

ра вообще большая, но она не представляет из себя ничего грозного, если принять во внимание то, что средняя цифра смертности детей в семьях при материнском уходе в Европейской России составляет 27%, поднимаясь до 52% (Кунгурский уезд) и даже 64 % (Малоярославецкий уезд)⁷⁹. В документе ссылались на отчет Томского губернского попечительства детских приютов за 1907 г., где говорилось о том, что смертность детей в приюте с большим трудом была снижена с 84% до 63%, и этот результат считался очень хорошим. Также в пример был приведен доклад доктора Русова общему собранию союза борьбы с детской смертностью 20 апреля 1903 г., в котором содержались сведения о том, что смертность питомцев, отдаваемых из столичных воспитательных домов в деревню, достигает 85%. Так что в сравнении с этими цифрами результат в 56% смертности считался неплохим показателем.

Кормили младенцев по возможности молоком кормилиц, однако чаще всего таковых нельзя было найти, тогда применялось кормление «мукой Нестле» – по сути дела суррогатом, одобренным медициной, а также козьим и коровьим молоком. Неудивительно, что слабый детский желудочек часто просто не выдерживал столь грубую пищу, и это было еще одной из причин смертности малышей.

«Убежище для подкидышей» в 1910 году по-прежнему располагалось в самостоятельном помещении, состоящем из трех комнат. Всего было 25 младенцев, из них один был возвращен родителям, двоих усыновили и 15 умерло⁸⁰. Так что смертность среди младенцев продолжала прогрессировать.

«Убежище», размещавшееся с 1909 г. в собственном помещении, состоящем из трех комнат, продолжало свое существование. Особой сметы на 1911 год не было составлено, т. к. денег на него не отпускается и его приходится содержать на сэкономленные от приюта средства. В убежище постоянно служит одна надзирательница, а кормилица и няни приглашаются по мере надобности. В течение года в среднем состоят 4 няни. Всего призревало в течение 1911 г. 27 младенцев, из них 1 возвращен родителям, троих взяли бездетные люди, умерло 13 малышей, что «составило 48% всего числа подкинутых»⁸¹. В отчете было указано, что данный процент следует считать очень незначительным, учитывая общую детскую смертность по России.

«Убежище для беспризорных детей» с 1912 г. находилось в одном здании с приютом временно до окончания строительства особого помещения под убежище. Особой сметы под убежище по-прежнему не составлялось. Часть денег поступила от Асхабада – 1200 руб. и Красноводска – 600 руб. Этого было явно недостаточно. Для содержания убежища продолжали экономить средства, предназначенные для приюта. Всего в 1912 году призревало 53 младенца, из них 6 были возвращены родителям, 7 взяли бездетные семьи, 23 умерло, что составило 43%, меньше, чем в прошлом году. Это дало основания сделать вывод о незначительной смертности подкидышей⁸².

«Убежище для подкидышей» в 1913 г. перешло в отстроенное помещение. Особой сметы не составлялось, часть денег по-прежнему поступала от Асхабада – 1200 руб. и Красноводска – 600 руб., что было недостаточно, и убежище продолжало существование за счет экономии средств приюта. В течение года в среднем в убежище работало 7 нянь, которым нужно было платить жалованье. Всего в убежище призревало 61 младенец. Из них 7 были возвращены родителям, бездетные люди забрали пятерых детей, 6 перешли в приют и 31 умерло, что составило 50%, что, по понятиям людей того времени, было незначительно⁸³.

С 1914 г. «Убежище» переехало в собственное помещение – одноэтажный каменный дом оценочной стоимостью 6180 руб. Особая смета по-прежнему не составлялась, при убежище находилось 7 нянь. Всего призревало 51 младенец, из них 6 были возвращены родителям, 24 умерло, что составляло 50%, т. е. «незначительная смертность»⁸⁴.

Надо полагать, что в период Первой мировой войны детский приют в г. Асхабаде испытывал трудности и с продовольствием, и с кадрами. Тяготы военного времени распространялись даже на такие отдаленные окраины Российской империи, как Туркестанское генерал-губернаторство. Последний документ, имевший отношение к приюту, датирован 24 марта 1917 года. Известные февральские события не могли не отразиться на его деятельности. Председателем Закаспийского попечительства была отправлена телеграмма Комиссару учреждений ведомства императрицы Марии, в которой сообщалось о реорганизации состава членов попечительства для пользы дела на выборных началах⁸⁵. Совсем скоро Закаспийское попечительство и находившийся под его патронажем детский приют так же, как и все благотворительные учреждения такого рода, были ликвидированы.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги проведенного исследования, можно заключить, что российские власти в Туркестане уделяли серьезное внимание детям русских переселенцев, лишившимся опеки родителей. Детские приюты в Туркестанском генерал-губернаторстве, являясь составной частью ведомства императрицы Марии, контролировавшего призревание детей, действовали в соответствии с российским законодательством. То есть налицо желание имперской администрации поднять национальные окраины до своего уровня.

Закаспийское попечительство детских приютов, созданное в конце XIX века по типу уже существующих, несомненно, внесло определенный вклад в российскую благотворительность в Туркестане. Асхабадский и Мервский приюты существовали и развивались за счет благотворительных взносов граждан Закаспия, средств попечительства и взносов со стороны Закаспийского благотворительного общества.

Проблемы приютов обсуждались на заседаниях попечительств, а затем решались в установленном порядке. Производились постройки, ремонты помещений, закупались новая мебель и оборудование. Внутренний распорядок в приютах строго соблюдался, его правила ничем не отличались от правил приютов ведомства императрицы Марии, находившихся в центре Российской империи.

По социальному составу дети, призревавшиеся в приютах Закаспия, несколько различались. Превалировали крестьянские дети и дети представителей низших воинских чинов. Численность имела тенденцию к увеличению, что может служить свидетельством востребованности такого типа заведений. Конфессиональная принадлежность была однородной, дети, как правило, были православного вероисповедания, поэтому при обучении перво-степенное значение придавалось преподаванию Закона Божьего. Мусульманских детей не было, т.к. у них существовали свои призревания родовых сообществ.

Большое внимание уделялось обучению призреваемых и их будущей социализации, что выражалось в приучении воспитанников к физическому труду. Девочки преуспели в рукоделии, мальчики – в сапожном деле, и в конечном итоге воспитанники могли не только обеспечить приют, но и производить вещи на продажу, что было большим подспорьем для приюта.

За санитарно-медицинским состоянием детей приютов следили врачи как общей практики, так и узкие специалисты, предоставлявшие свои услуги безвозмездно, только фельдшера приглашали для лечения больных детей за плату. Благодаря усилиям врачей смертельных случаев среди воспитанников почти не было. Исключение составляли дети грудного возраста, так называемые подкидыши.

Это стало серьезной проблемой Асхабадского приюта. Образованное в 1902 году «Убежище для беспризорных детей» принимало младенцев как из полных семей, так и подки-

дышей. Из-за отсутствия в Закаспии кормилиц дети лишены были грудного молока, которое заменяли коровьим, козьим или же суррогатом, одобренным медициной. Сюда стоит добавить эпидемии, наследственные заболевания и изначально слабое здоровье подкидышей. Поэтому, несмотря на усилия врачей, смертность среди младенцев прогрессировала. Правда, отношение к этому факту было весьма прохладным, т.к. с учетом детской смертности в Российской империи и, в частности, в Туркестанском генерал-губернаторстве пятидесятипроцентный порог смертности не считался высоким.

Таким образом, можно заключить, что членами попечительства и простыми гражданами, среди которых были не только русские, но и туркмены – представители титульного этноса, делалось все необходимое для процветания приюта. Как свидетельствуют документы, решены были вопросы с постройкой отдельных помещений для приюта и «Убежища для беспризорных детей», улучшалось обучение воспитанников приюта, которые, занимаясь по программе Министерства народного просвещения, с блеском выдерживали выпускные и вступительные экзамены в училища. Санитарно-медицинское состояние улучшалось, ассигнования увеличивались. Однако начавшаяся Первая мировая война, а затем революционные события прервали мирное и многообещающее развитие Асхабадского детского приюта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Дашкевич Л.А.* Трудовое воспитание в сельских приютах Пермской губернии в конце XIX - начале XX века // Педагогическое образование в России. 2018. № 5 С. 6-12; *Зайцева С.В.* Деятельность общества попечения об улучшении быта питомцев Санкт-Петербургского воспитательного дома, размещенных в деревнях по линии Варшавской железной дороги, на рубеже XIX-XX веков // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 4 (44). С. 214-230; *Заколodная В.Н.* Государство и общество в деле организации социальной помощи детям-сиротам в Петербурге и губернии во второй половине – XIX начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2011. № 3. С. 145-150; *Селютин Е.Н.* Создание и деятельность учреждений ведомства императрицы Марии Федоровны по призрению детей в Орловской губернии XIX – начала XX вв. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1 (57). С. 331-336.
- ² *Аликеева Г.М., Шахиева А.М., Саятова А.С.* История попечительства и социальной защиты детей-сирот в г. Верном (1879-1917) // Вестник Казахского национального медицинского университета. 2017. № 3. С. 405-408; *Волков И.В.* Об учреждениях общественного призрения в Туркестанском крае: историко-правовой аспект // Власть. 2017. № 12 (25). С. 137-142; *Брежнева С.Н.* Детские приюты на национальной окраине Российской империи: опыт работы Сырдарьинского областного попечительства в Русском Туркестане // Журнал фронтирных исследований. Научный электронный журнал. 2023. Т. 8. № 3. С. 112-135; *Брежнева С.Н., Мамадалиев И.А.* Детские приюты ведомства императрицы Марии в имперской практике аккультурации на национальных окраинах Российской империи (на примере Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства) в конце XIX – начале XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Выпуск 1 (135); *Брежнева С.Н.* Русские сироты в Семиречье на рубеже XIX – XX вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2024. Т. 6. № 3. С. 16-30.
- ³ Именной указ, данный Сенату – О присоединении к Империи занятой нашими войсками территории туркмен Текинского рода и об образовании из нее и земель Закаспийского военного отдела области Закаспийской со включением оной в состав Кавказского военного округа // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. СПб., 1885. Т. 1 (1 марта – 31 декабря 1881 г.). № 142. С. 66.
- ⁴ *Аминов И.И.* Организационно-правовые особенности управления в Закаспийской области Российской империи // Lex Russica. 2017. № 11 (132). С. 139-152. С. 140.
- ⁵ Высочайшее повеление по всеподданнейшему докладу Главноуправляющего Собственной Е.И.В. Канцелярией по учреждениям императрицы Марии – О принятии детского приюта в Асхабаде в число приютов ведомства императрицы Марии и об открытии Закаспийского областного Попечительства детских приютов. 15 октября 1898 г. - ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб. 1901. № 15988. С. 955.

- ⁶ Высочайше утвержденное Положение о детских приютах ведомства учреждений Императрицы Марии. 18 июля 1891 г. - ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб. 1894. № 7930. С. 529-530.
- ⁷ Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О включении помощника начальника Закаспийской области, Заведующего судной частью и председателя Закаспийского благотворительного общества в число членов Закаспийского областного Попечительства детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. 2 декабря 1902 г. - ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб. 1904. № 22203. С. 938.
- ⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 4.
- ⁹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 4 об., 6-7.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 6.
- ¹¹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 4 об.
- ¹² РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 6 об.
- ¹³ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 7.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 4 об.-5.
- ¹⁵ Высочайше утвержденное 18 июля 1891 г. Положение о детских приютах ведомства учреждений Императрицы Марии и высочайше утвержденные 28 октября 1896 г. основные начала для деятельности комитета главного попечительства детских приютов. СПб: Типография В. Киршбаума, 1900. 36 с. С. 23.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 525. Л. 6-7.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1928. Л. 14.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 587. Л. 15 об.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 653. Л. 13-14.
- ²⁰ РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1928. Л. 67.
- ²¹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 718. Л. 32.
- ²² РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1928. Л. 86.
- ²³ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 10.
- ²⁴ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 525. Л. 3.
- ²⁵ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 11 об.
- ²⁶ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 15.
- ²⁷ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 18.
- ²⁸ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 159. Л. 17 об.
- ²⁹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 525. Л. 3.
- ³⁰ РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1928. Л. 5.
- ³¹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 1928. Л. 7.
- ³² РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 587. Л. 4 об.
- ³³ РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1928. Л. 12.
- ³⁴ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 653. Л. 4.
- ³⁵ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 653. Л. 5 об.
- ³⁶ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 782. Л. 5.
- ³⁷ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 841. Л. 3.
- ³⁸ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 841. Л. 5.
- ³⁹ РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1928. Л. 89, 91.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 10.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 7 об.-8.
- ⁴² РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 9 об.
- ⁴³ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 8 об.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 98. Л. 9.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 159. Л. 10.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 159. Л. 10.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 159. Л. 8.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 159. Л. 7 об.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 347. Л. 10.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 347. Л. 14.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 587. Л. 8 об.
- ⁵² РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 718. Л. 21 об.

- ⁵³ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 782. Л. 4.
⁵⁴ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 841. Л. 6 об.
⁵⁵ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 159. Л. 6.
⁵⁶ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 525. Л. 3 об.
⁵⁷ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 525. Л. 3 об.-4.
⁵⁸ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 525. Л. 4.
⁵⁹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 525. Л. 4.
⁶⁰ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 525. Л. 4 об.
⁶¹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 525. Л. 17.
⁶² РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 587. Л. 5 об.
⁶³ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 587. Л. 5.
⁶⁴ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 587. Л. 5.
⁶⁵ Там же. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 587. Л. 5.
⁶⁶ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 587. Л. 6.
⁶⁷ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 653. Л. 4.
⁶⁸ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 653. Л. 5.
⁶⁹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 718. Л. 22 об.
⁷⁰ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 841. Л. 3.
⁷¹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 841. Л. 4.
⁷² РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 841. Л. 4 об.
⁷³ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 841. Л. 6 об.
⁷⁴ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 841. Л. 4 об.
⁷⁵ См. Брежнева С.Н. Детские приюты на национальной окраине Российской империи: опыт работы Сырдарьинского областного попечительства в Русском Туркестане // Журнал фронтирных исследований. Научный электронный журнал. 2023. Т. 8. № 3. С. 112-135.
⁷⁶ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 159. Л. 2 об.
⁷⁷ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 347. Л. 11 об.
⁷⁸ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 525. Л. 5.
⁷⁹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 525. Л. 5 об.
⁸⁰ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 587. Л. 7.
⁸¹ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 653. Л. 6.
⁸² РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 718. Л. 23.
⁸³ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 782. Л. 5 об.
⁸⁴ РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 841. Л. 5 – 5 об.
⁸⁵ РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1928. Л. 121.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аликеева Г.М., Шахиева А.М., Саятова А.С. История попечительства и социальной защиты детей-сирот в г. Верном (1879-1917) // Вестник Казахского национального медицинского университета. 2017. № 3. С. 405-408. URL: <https://kaznmu.edu.kz/press/wp-content/uploads/2017/12/ИСТОРИЯ-ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА-И-СОЦИАЛЬНОЙ-ЗАЩИТЫ-ДЕТЕЙ-СИРОТ-В-Г.-ВЕРНОМ-1879-1917.pdf> (дата обращения 12.10.2022).
2. Аминов И.И. Организационно-правовые особенности управления в Закаспийской области Российской империи // Lex Russica. 2017. № 11 (132). С. 139-152. С. 140.
3. Брежнева С.Н. Детские приюты на национальной окраине Российской империи: опыт работы Сырдарьинского областного попечительства в Русском Туркестане // Журнал фронтирных исследований. Научный электронный журнал. 2023. Т. 8. № 3. С. 112-135.
4. Брежнева С.Н., Мамадалиев И.А. Детские приюты ведомства императрицы Марии в имперской практике аккультурации на национальных окраинах Российской империи (на примере Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства) в конце XIX – начале XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Выпуск 1 (135).

5. *Брежнева С.Н.* Русские сироты в Семиречье на рубеже XIX – XX вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2024. Т. 6. № 3. С. 16-30.
6. *Волков И.В.* Об учреждениях общественного призрения в Туркестанском крае: историко-правовой аспект // Власть. 2017. № 12 (25). С. 137-142.
7. *Дашкевич Л.А.* Трудовое воспитание в сельских приютах Пермской губернии в конце XIX - начале XX века // Педагогическое образование в России. 2018. № 5. С. 6-12.
8. *Зайцева С.В.* Деятельность общества попечения об улучшении быта питомцев Санкт-Петербургского воспитательного дома, размещенных в деревнях по линии Варшавской железной дороги, на рубеже XIX-XX веков // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 4 (44). С. 214-230.
9. *Заколodная В.Н.* Государство и общество в деле организации социальной помощи детям-сиротам в Петербурге и губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2011. № 3. С. 145-150.
10. *Селютинa Е.Н.* Создание и деятельность учреждений ведомства императрицы Марии Федоровны по призрению детей в Орловской губернии XIX – начала XX в. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1 (57). С. 331-336.

REFERENCES

1. *Alikeeva G.M., Shahieva A.M., Sayatova A.S.* Istoriya popечitel'stva i social'noj zashchity detej-sirot v g. Vernom (1879- 1917) // Vestnik Kazahskogo nacional'nogo medicinskogo universiteta. 2017. № 3. S. 405-408. URL: <https://kaznmu.edu.kz/press/wp-content/uploads/2017/12/ISTORIYAPOPECHITEL'STVA-I-SOCIAL'NOJZASHCHITY-DETEJ-SIROT-V-G.-VERNOM-1879-1917.pdf> (data obrashcheniya 12.10.2022).
2. *Aminov I.I.* Organizacionno-pravovye osobennosti upravleniya v Zakaspijskoj oblasti Rossijskoj imperii // Lex Russica. 2017. № 11 (132). S. 139-152. S. 140.
3. *Brezhneva S.N.* Detskie priyuty na nacional'noj okraine Rossijskoj imperii: opyt raboty Syrdar'inskogo oblastnogo popечitel'stva v Russkom Turkestane // Zhurnal frontirnykh issledovaniy. Nauchnyj ehlektronnyj zhurnal. 2023. T. 8. № 3. S. 112-135.
4. *Brezhneva S.N., Mamadaliev I.A.* Detskie priyuty vedomstva imperatricy Marii v imperskoj praktike akkul'turacii na nacional'nykh okrainakh Rossijskoj imperii (na primere Samarkandskoj oblasti Turkestanskogo general-gubernatorstva) v konce XIX – nachale XX v. // Ehlektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «IstoriYA». 2024. T. 15. Vypusk 1 (135).
5. *Brezhneva S.N.* Russkie sirotы v Semirech'e na rubezhe XIX – XX vv. // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Istoricheskie nauki. 2024. T. 6. № 3. S. 16-30.
6. *Volkov I.V.* Ob uchrezhdeniyakh obshchestvennogo prizreniya v Turkestanskom krae: istoriko-pravovoj aspekt // Vlast'. 2017. № 12 (25). S. 137-142.
7. *Dashkevich L.A.* Trudovoe vospitanie v sel'skikh priyutakh Permskoj gubernii v konce XIX - nachale XX veka // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2018. № 5/ S. 6-12.
8. *Zajceva S.V.* Deyatel'nost' obshchestva popечeniya ob uluchshenii byta pitomcev Sankt-Peterburgskogo vospitatel'nogo doma, razmeshchennykh v derevnyakh po linii Varshavskoj zheleznoj dorogi, na rubezhe XIX-XX vekov // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ehlektronnyj nauchnyj zhurnal. 2022. № 4 (44). S. 214-230.
9. *Zakolodnaya V.N.* Gosudarstvo i obshchestvo v dele organizacii social'noj pomoshchi detyam-sirotam v Peterburge i gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 2011. № 3. S. 145-150.
10. *Selyutina E.N.* Sozdanie i deyatel'nost' uchrezhdenij vedomstva imperatricy Marii Fedorovny po prizreniyu detej v Orlovskoj gubernii XIX nachala XX vv. // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2014. № 1 (57). S. 331-336.

**SOCIAL CHARITY OF CHILDREN
IN THE TRASCASPIAN OBLAST OF THE TURKESTAN KRAI
(1897-1917)**

© 2025 S.N. Brezhneva

Pushkin Leningrad State University

The article is based on archival materials, which are being introduced to the scientific community for the first time. The author examines the problems that arose in the Transcaspian regional guardianship and the Askhabad orphanage at the turn of the 19th-20th centuries, and related to all aspects of children's lives. Issues related to charity, in particular orphanhood, were among the priorities of the imperial policy; the government attached great importance to these issues in the Russian distant provinces, striving to raise them to the all-Russian level. The Transcaspian Oblast was the last to be included into the Russian Empire as a result of the conquest of Turkmen lands, so it could successfully use the experience of creating and developing orphanages in previously established Oblasts on the territory of the Turkestan Governorate General. The problem was the small number of the Russian population in the lands of Transcaspia. Nevertheless, the Askhabad orphanage was functioning and developing. Issues related to the construction of separate facilities for the orphanage and the "Shelter for Street Children" were resolved, supplies and medical care were improved, education in the orphanage was evolved according to the program of the Ministry of Public Education. However, the problem of the orphanage was the existence of a "Shelter for Street Children", where mostly foundling infants were admitted in a weakened state, so infant mortality could not be overcome, despite the efforts of doctors. The author comes to the conclusion that, in general, the development of guardianship and orphanage was proof of the care of the Russian administration for its subjects who were in difficult conditions in a foreign land. The development of these components of Russian charity was interrupted by the First World War and the outbreak of the revolution.

Keywords: Russian Empire, Turkestan Governorate-General, Transcaspian Oblast guardianship, Askhabad orphanage, financing, donations, labor education, education system, sanitary and medical condition.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-4-17-36

EDN: LVXMNQ